

нить же для „О. З.“ судьбѣ своей роли въ отношеніи къ русской литературѣ.

Съ нетерпѣніемъ жду выхода вашихъ „М. Д.“ Я не имѣю о нихъ никакого понятія, мнѣ не удалось слышать ни одного отрывка, чему я, впрочемъ, и очень радъ: знакомые отрывки ослабляютъ впечатлѣніе цѣлаго. Недавно въ „О. З.“ была обѣщана статья о „Ревизорѣ“. Думаю, по случаю выхода „М. Д.“, написать нѣсколько статей вообще о вашихъ сочиненіяхъ. Съ особенною любовью хочется мнѣ поговорить о милыхъ мнѣ „Арабескахъ“, тѣмъ болѣе, что я виноватъ передъ ними: во время оно я съ жестокою запальчивостію изрыгнуть хулу на ваши въ „Арабескахъ“ 1) статьи ученаго содержанія, не понимая, что тѣмъ изрыгаю хулу на духа. Онѣ были тогда для меня слишкомъ просты, а потому и непристудно высоки; при томъ же на мутномъ днѣ самолюбія безсознательно шевелилось желаніе блеснуть и безпристрастіемъ. Вообще, мнѣ страхъ какъ хочется написать о вашихъ сочиненіяхъ. Я опрометчивъ и способенъ вдаваться въ дикія нелѣпости; но—слава Богу—я вмѣстѣ съ этимъ одаренъ движимостію впередъ и способностью собственные промахи и глупости называть настоящимъ ихъ именемъ и съ такою же откровенностію, какъ и чужіе грѣхи. И потому, подумалось, во мнѣ много новаго съ тѣхъ поръ, какъ, въ 1840 году, въ послѣдній разъ вралъ я о вашихъ повѣстяхъ и „Ревизорѣ“. Теперь я понимаю, почему вы *Хлестакова* считаете героемъ вашей комедіи, и понимаю, что онъ точно герой ея; понимаю, почему „Ст. Пом.“ считаете вы лучшею повѣстью своею въ „Миргородѣ“, также понимаю, почему одни васъ превозносятъ до небесъ, а другіе видятъ въ васъ нѣчто въ родѣ Поль-де-Кока, и почему есть люди, и при томъ не совсѣмъ глупые, которые, зная наизусть ваши сочиненія, не могутъ безъ ужаса слышать, что вы выше Марлинскаго, и что вашъ талантъ—великій талантъ. Объясненіе всего этого даетъ мнѣ возможность сказать дѣло о дѣлѣ, не бросаясь въ отвлеченныя и окольные разсужденія; а умѣренный тонъ (признать, что предметъ понятъ ближе къ истинѣ) даетъ многимъ возможность *сознательно* полюбить ваши сочиненія. Конечно, критика не сдѣлаетъ дурака умнымъ и толпу мыслящему; но она, у однихъ, можетъ просвѣтлить сознаниемъ безотчетное чувство, и у другихъ—возбудитъ мысли спящихъ инстинкты. Но величайшею наградою за трудъ для меня можетъ быть только ваше вниманіе и ваше доброе, привѣтливое слово. Я не заночусь слишкомъ высоко, но—признаюсь—и не думаю о себѣ слишкомъ мало; я слышалъ похвалы себѣ отъ умныхъ людей и—что еще лестнѣе—имѣлъ счастье приобрѣсти себѣ ожесточенныхъ враговъ: и все-таки больше всего этого меня радуетъ доселѣ и всегда будетъ радовать, какъ лучшее мое достоинство, нѣсколько привѣтливыхъ словъ, сказанныхъ обо мнѣ Пушкинымъ и, къ счастью, дошедшихъ до меня изъ вѣрныхъ источниковъ, и я чувствую, что это не мелкое самолюбіе съ моей стороны, а то, что я понимаю, что такое человѣкъ, какъ Пушкинъ, и что такое одобреніе со стороны такого человѣка, какъ Пушкинъ. Послѣ этого вы поймете, почему для меня такъ дорогъ вашъ *человѣческій*, привѣтливый отзывъ...

Дай вамъ Богъ здоровья, душевныхъ силъ и душевной ясности. Горячо желаю вамъ этого,

1) Бѣлинскій, очевидно, имѣетъ въ виду здѣсь свой рѣзкій отзывъ объ ученыхъ статьяхъ Гоголя въ „Арабескахъ“ въ концѣ статьи: «О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя». Соч. т. I. (Примѣч. В. Шенрока).

какъ писателю и какъ человѣку, ибо одно съ другимъ тѣсно связано. Вы у насъ теперь одинъ,—и мое нравственное существованіе, моя любовь къ творчеству тѣсно связаны съ вашею судьбою; не будь васъ—и прощай для меня настоящее и будущее въ художественной жизни нашего отечества: я буду жить въ одномъ прошедшемъ и, равнодушный къ мелкимъ явленіямъ современности, съ грустной отградой буду бесѣдовать съ великими тѣнями; перечитывая ихъ неумирающія творенія, гдѣ каждая буква давно мнѣ знакома...

Хотѣлось бы мнѣ сказать вамъ искренно мое мнѣніе о вашемъ „Римѣ“, но, не получивъ предварительнаго позволенія на откровенность, не смѣю этого сдѣлать.

Не знаю, понравится ли вамъ тонъ моего письма,—даже боюсь, чтобы онъ не показался вамъ болѣе откровеннымъ, нежели сколько допускаютъ то наши съ вами свѣтскія отношенія; но не могу перемѣнить ни слова въ письмѣ моемъ, ибо въ случаѣ, противномъ моему ожиданію, легко утѣшусь, сложивъ всю вину на судьбу, издавна уже не благоприятствующую русской литературѣ.

Съ искреннимъ желаніемъ вамъ всякаго счастья, остаюсь готовый къ услугамъ вашимъ.

Виссаріонъ Бѣлинскій 1).

Зальцбургъ, 15 іюля 1847 г. 2)

„...Вы только отчасти правы, увидавъ въ моей статьѣ разсерженнаго человѣка. Этотъ эпитетъ слишкомъ слабъ и нѣженъ для выраженія того состоянія, въ которое привело меня чтеніе вашей книги. Но вы вовсе неправы, приписавши это вашимъ, дѣйствительно не совсѣмъ лестнымъ, отзывамъ о почитателяхъ вашего таланта. Нѣтъ; тутъ была причина болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, если бы все дѣло заключалось только въ немъ; но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины человѣческаго достоинства; нельзя молчать, когда подъ покровомъ религіи и защитой кнута проповѣдуютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель.

„Да, я любилъ васъ со всею страстью, съ какою человѣкъ, кровно связанный съ своею страной, можетъ любить ея надежду, честь, славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія, прогресса. И вы имѣли основательную причину хотъ на минуту выйти изъ спокойнаго состоянія духа, потерявши право на такую любовь. Говорю это не потому, чтобы я считалъ любовь своею наградою великаго таланта, а потому что въ этомъ отношеніи представляю не одно, а множество лицъ, изъ кото-

1) Почти съ той же почтой и того же числа Бѣлинскій писалъ въ Москву В. П. Боткину: «Я къ Гоголю посылалъ письмо, которое думалъ доставить черезъ тебя, но, полагая, что эта тетрадь не будетъ отослана, посылалъ сегодня по почтѣ. Прилагаю черновое: изъ него ты увидишь, что я повернулъ круто—оно и лучше: къ чорту ложныя отношенія—знай нашихъ—и люби, уважай; а не любишь, не уважаешь—не знай совѣмъ. Постарайся черезъ Щепкина узнать объ эффектѣ письма». (Бѣлинскій, его жизнь и перипетіи, А. Н. Пыпина, II, 153).

2) *Барсуковъ*, Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Томъ VIII. Стр. 596—607; выдержки изъ письма у *И. Иванова* «Обсужденная книга». М. В. 97 г. 5; *А. Н. Пыпина*, II, стр. 289—293 и въ ст. *Чижова* о Гоголѣ В. Е. 72 г. 7, стр. 439—443.

Когда Бѣлинскій, по приѣздѣ въ Парижъ, прочелъ Герцену черновое этого своего письма, то Герценъ сказалъ Анненкову на уху: «Это гениальная вещь, да это, кажется, и завѣщаніе его». (См. *Анненкова*: «Воспоминанія», отд. III, стр. 213 «Замѣчательное десятилѣтіе»).